

вика VII из-за моря. Повествуя о событиях, развернувшихся в Атталии, событиях, которые не делали чести королевскому окружению и самому Людовику VII, хронист вставляет в свое повествование целую защитительную тираду, призванную уберечь крестоносных предводителей от обвинительного приговора современников. Обращаясь к читателю, Одо Дейльский пишет: «Быть может, те, кто не знает (дела), скажут, что (нам) надо было овладеть этим городом (т. е. Атталией. — М. З.) и отплатить за козни жителей»¹¹⁷. Пусть, однако, они поразмыслят (над тем), что лишённые каких бы то ни было запасов, мы были окружены справа и слева внутренними и внешними врагами и что для нас было невозможно опрокинуть без осадных приспособлений высокие башни или произвести быстро подкоп под двойные стены»¹¹⁸. «Конечно, — продолжает автор, — можно было бы взять в плен градоначальника и императорского посла, когда они явились к королю, но даже если бы они были повешены (нами), жители бы от этого не сдали (нам) город. Да это и против обыкновения короля было брать город столь предательским путем и (к тому же) подвергать всех франков опасности безо всякой надежды на успех»¹¹⁹.

Вывод, который должен вытекать из всего этого, по замыслу хрониста, ясен: вожди сделали все, что могли при сложившихся обстоятельствах, и, следовательно, винить их ни в чем дурном нет никаких оснований. Таким образом, и в этом плане, т. е. стремясь восстановить подорванную репутацию крестоносных предводителей, Одо Дейльский предстает перед нами как автор, преследующий очевидные пропагандистско-политические цели. Его хроника составлялась с тем, чтобы так или иначе *повлиять на общественное мнение* в духе, благоприятном для Людовика VII и феодальной знати, запятнавших себя трусостью и крайним своекорыстием, выгородить своих «героев» и расчистить путь для проповеди новых «священных войн».

Аналогичную тенденцию мы обнаруживаем и у современника Одо Дейльского — баварца Оттона Фрейзингенского. Он решительно восстает против тех критических суждений в адрес организаторов и вождей крестового похода (и особенно против той общей скептической оценки этого провалившегося предприятия), которые высказывались даже церковниками. «Некоторые из малодушной церковной братии, — наставительно пишет Оттон Фрейзингенский, — посрамленные (неудачей похода. — М. З.), удивляются и, удивленные, стыдятся (бесплодности) тех трудов, которые были вынесены в нашем походе, (стыдятся) того, что, имея столь пылкое и доброе начало, он получил столь унижительный и скверный конец»¹²⁰. Этого делать, однако, не следует, полагает историк, и вот почему: несмотря на дурной исход, несмотря на то, что по своим непосредственным практическим итогам поход и в самом деле оказался неблагоприятным, он все же «*послужил для спасения многих*

¹¹⁷ Хронист имеет в виду прежде всего высокую плату, которую греки запросили за доставку крестоносного воинства морем в Антиохию, всевозможные проводочки, чинившиеся властями Атталии во время переговоров о предоставлении кораблей и пр. См. *ibid.*, p. 134.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 134: Dicturi vero sunt ignari talium hanc urbem debuisse capi, et vindictam sumi de dolis civium. Recogitent illi dextra laevaue privatis et extraneis hostibus sine victualibus nos obsessos et esse impossibile turres arduas sine machinis ruere vel cito posse suffodi duplices muros.

¹¹⁹ *Ibidem*: Poterant quidem dux et imperatoris nuntius capi quando veniebant ad regem, sed cives pro illorum suspendio non redderent civitatem. Eratque regi abominabile, contra morem suum hanc proditione capi et commune periculum sine captione temptari.

¹²⁰ *O t t o n i s e t R a h e w i n i Gesta Friderici I imperatoris*, p. 91: Nonnulli ex pusillis ecclesiae fratribus scandalizati mirantur, mirando scandalizantur de praetaxatae nostrae expeditionis labore, quod tam arduo et bono inchoata principio, tam humilem et non bonum exitum acceperit. . .